

«Мы были великой державой»

Беседа с писателем о жизни,
душе и политике

— Будучи депутатом Верховного Совета СССР, вы немало времени отдали политической работе. В какой-то мере она отрывала вас от писательского труда. Два года назад в Тимонихе я спрашивал о ваших отношениях с Горбачевым и Ельциным. Вы тогда ответили, что не верите ни тому, ни другому. За прошедшие два года жизнь еще более ухудшилась. Как, на ваш взгляд, можно изменить ситуацию к лучшему?

— Надо менять власть, но не революционным, а эволюционным путем. Почему Ельцин отнес выборы? Да потому, что сейчас многих руководителей в областях, районах не избрали бы. И Ельцина в настоящее время тоже не избрали бы Президентом.

Нынешнее правительство смотрит на США и зачастую руководствуется волей правящей элиты Америки. И визит в Японию, я думаю, Ельцин отложил под влиянием Буша. Наверняка американцам невыгодно наше сотрудничество с Японией.

— В деятельности правительства есть и положительные моменты. Люди сейчас не боятся говорить, что думают. В средствах массовой информации тоже предостаточно критики в адрес наших руководителей.

— Согласен, в начальный период руководство России сумело завоевать доверие народа. А теперь что? Нас в колонию превратили. Государство разрушено, армия разрушена.

Кому служит министр иностранных дел? Сербию предали, Осетию предали, сейчас Абхазию предаем.

— Но как будешь вмешиваться в их дела?

— Мы были великой державой. Это способствовало укреплению стабильности в мире, с нами считались, и если потребовалось бы для пользы дела, то и кулаком стукнуть можно. Теперь же на нас стучат кулаком.

— Бедственное положение народа вы в значительной мере объясняете тем, что правительство России действует с оглядкой на США. Но ведь вы сами были в развитых странах Запада и видели, как обеспечено живут там люди.

— Там тоже по-разному живут. А мы что, разве не можем хорошо жить? Ведь у нас не война, а мы кланчим деньги у американцев и европейцев. Во времена Сталина и то не кланчили.

— А стратегию нашего правительства на частную собственность вы поддерживаете?

— Я поддерживаю мелкий бизнес, но против приватизации металлургического комбината или Северной железной дороги. Крупные производства должны быть в руках госу-

дарства. И приватизировать нужно постепенно.

Считаю, что нынешнее правительство некомпетентно.

— К слову, об этом сейчас много говорят по радио и телевидению, пишут в газетах.

— Но как говорят и пишут? Это делается для того, чтобы выпустить лишний пар, удовлетворить обывательский интерес. А на самом деле разрушается экономика, наступает хаос. Не надо забывать, что мы были великой страной с мощной промышленностью, умными научными кадрами, имели большой авторитет в мире.

— Сейчас многие часто ссылаются на высказывание А. Солженицына о том, что, когда разрушается коммунистическая система, есть угроза погибнуть под ее обломками. Возможно ли перейти от одного качества жизни к другому без издержек? Мне кажется, переходный период в любом случае был бы болезненным.

— Да у нас всю жизнь переходный период. Сколько можно переходить?

— Согласитесь, за прошедшие семьдесят лет очень-то хорошо мы и не жили.

— Коммунизм, слава Богу, мы пережили как болезнь. Я убежден, что почти ни один секретарь райкома не верил в марксизм. И харковский бывший первый В. Летягин не верил в коммунизм. Просто в руках партии были все организационные нити, она командовала и, кстати, создала неплохую руководящую структуру. Потом, правда, она разрознулась, огосударствовалась и обюрократилась. Но не надо забывать, что из нее вышли великоленные академики, руководители, неплохие министры. Но под видом разрушения партии и марксистской системы разрушается национальная система России. Сейчас уже преследуют русских, а не коммунистов.

— Прошел год после августовского путча. Обстановка, особенно в больших городах, такова, что не грех бы ввести чрезвычайное положение.

— Что такое чрезвычайное положение? Оно дает право власти зайти, например, сюда и арестовать нас под любым предлогом, независимо от того, виноват ты или нет. А сейчас этот шаг властей будет противозаконным. Так что ЧП — очень опасная вещь.

— Но преступный мир все выше и выше поднимает голову.

— Он и будет поднимать ее, так как у него есть благодатная почва — власть либо не препятствует ему. Сначала начинает разрабатываться власть, которая торгует нашими богатствами за бесценно. Люди видят это и говорят: а чем мы хуже? Недавно власть

реабилитировала целую группу преступников. Я думаю, среди власти есть люди, заинтересованные держать нас в таком диком состоянии.

Еще одна причина преступности — пьянство, насаждаемое государством. Наше правительство спаивает народ специально, так как пьяным человеком легче манипулировать. Я десять лет боролся с пьянством. И сейчас не откажусь ни от одного слова ни в статьях, ни в выступлениях на эту тему.

— Вы не раз говорили о своей позиции по проведению земельной реформы. Она отличалась от официальной. Изменились ли ваши взгляды сейчас?

— Я был и остаюсь противником продажи земли. Раньше землей распоряжалась сельская община, и если человек выбывал из нее, то лишался земли.

Для Прибалтики купля-продажа земли, может быть, годится, для России — нет. Когда решаем земельные вопросы, надо вспоминать Столыпина и земельное законодательство 1912 года. Как можно продавать землю, если у крестьянина нет ни гроша? Он трактор не может купить, а о земле и говорить нечего. Селянину надо отдать землю бесплатно. Пусть он ею владеет и передает по наследству. Если нет наследников, земля переходит в фонд общины.

В первую очередь бесплатно землю должны получить те, кто живет и работает в сельской местности. Во вторую очередь дать землю всем, кто приехал из других районов, но предки их жили в этой местности. А потом уже дать землю людям, приехавшим в деревню из других мест. Но ни в коем случае не продавать землю. В противном случае в наш район придет миллионер и скупит все, в том числе и Тимониху. Что тогда делать? Ружье брать?

— Может быть, я и ошибаюсь, но думается, что нынешние верховные руководители не умышленно хотят сделать нашу жизнь хуже. Просто не хватает умения и опыта.

— Вы ошибаетесь. Умышленно. У них есть счета в западных банках. Сколько премий получил Горбачев? Не меньше десятка. И Ельцина тоже сейчас задабривают, золотые вещи дарят. В любой момент они могут уехать за границу.

— Многие на улучшение жизни надеялись после прихода к власти Бориса Ельцина.

— Я не хочу говорить о нем. Знаю его давно. Как можно так врать людям? Обещал, что не будет такого повышения цен. А на деле?

[Окончание на 3 стр.]

„Мы были великой державой“

(Окончание.)

Начало на 1 стр.)

— К концу года он обещал и улучшение жизни, как в свое время Горбачев.

— Горбачев и Ельцин — это одно и то же, это одна команда. Вся беда в том, что американский доллар висел на волоске, и сейчас там обстановка непростая. Они живут лучше нас за счет того, что государство выкачивает энергию из других мест. Почему в Германии больше двухсот сортов колбасы? Они вывозят из Африки корма. Везут к себе лес, газ.

— Но всего этого много у нас.

— Вот они и зарятся на наши богатства. Кстати, не так уж и много этого богатства. А наши правители все это продают за бесценок.

— Жутковато все это слышать. Хотелось, чтобы вы были не правы.

— Видите ли в чем дело, у меня есть факты. Ну почему мы качаем газ в Западную Европу, а старухи наши сидят не только без газа, но и без дров? Чем это можно объяснить? Ведь нельзя не замечать этого.

— Но я, например, против возвращения прежних порядков.

— Как они могут вернуться, если они сгнили?

— Подведем итог. Нынешняя власть нехороша, прежняя — тоже, хотя и были созданы структуры управления, и власть чувствовалась — с этим я согласен. К старому возврата нет, а новое каким должно быть?

— Кто его знает... Я говорю о том, что у власти должны быть честные русские люди, а не карьеристы. Кстати, и в нынешнем руководстве есть талантливые руководители. Мы знаем их. Я могу назвать имена. Но они, к сожалению, в меньшинстве.

— Для того, чтобы начать какое-то серьезное дело, нужны деньги. А добыть их легче всего, видимо, через тор-

говлю.

— Торгашей стало действительно много. Этим тоже надо переболеть. Мне обидно, когда здоровые ребята целыми днями торгуют жевательной резинкой.

— Но, может быть, потом они возьмутся за настоящее дело?

— Да полноте, что вы! Они лучше пойдут на большую дорогу грабить, что и делают сейчас.

— С чего, по-вашему, надо было начинать реформу?

— Я уже говорил о земле. Начинать надо было не с торговцев, а с производителей, с кооперации сельского хозяйства. Я об этом говорил в Верховном Совете, но никто меня не послушал. А если бы мы начали реформу с села, то уже было бы полное изобилие продуктов.

Из нас хотят сделать колонию с дешевой рабочей силой. Ответьте мне на вопрос: почему мой сосед не может овец сдать, когда нет мяса? А в это время из-за границы идут банки гнилой тушенки. Где логика?

Обидно, что люди не хотят видеть правду, а хотят быть обманутыми.

— Может быть, люди испытывают недостаток информации?

— Какую еще информацию нужно, если у крестьянина не принимают скотину, а из Италии везут мясо? Это только один пример. А подобных примеров много.

— Вы, Василий Иванович, восстановили у себя на родине церковь. Что вами двигало? Желание сохранить памятники архитектуры, истории и культуры или же это своего рода наказание за грехи поколений советского периода?

— Все вместе взято. Сначала хотели растащить церковь мощными тракторами. Мне жалко стало это здание, захотелось сохранить. Оно

было единственным во всей округе каменным и такой высоты. А потом, когда заделали выбоины, кровлю, все пошло как бы по инерции. По моей инициативе на собрании местные жители решили создать приход. И тогда уж воле-неволе пришлось доделывать. Три года ушло на ее восстановление.

— В прошлом всех нас воспитывали атеистами. Сейчас кто-то им и остался, другие стали сомневающимися, третьи — верующими. Происходит изменение взглядов.

— Это личное дело каждого, это свобода совести. Я не могу игнорировать, что наши предки тысячу лет жили с православной религией. С начала нынешнего века началось разложение религиозного сознания русского народа. Сейчас только начинается осознание мерзости, которая произошла с нашим народом.

Как можно игнорировать такое, когда почти в каждой деревне стояла часовня? Она выполняла эстетическую, религиозную и даже экономическую роль. В каждой волости стоял великолепный храм, построенный дедами и прадедами. И все это мы разрушили. Я помню, как наше поколение уже завершало это разорение.

Сейчас идет естественный процесс очищения. Пока люди не очнутся, не станут нравственными, не сдвинется и экономика.

— Я слышал, что этим летом у вас в гостях в Тимони-хе был американец.

— У меня каждый год кто-нибудь гостит. Были голландец, японец, нынче американец.

— С какой целью они приезжают? Их интересует наш северный быт или у вас с ними приятельские отношения?

— Японский профессор токийского университета, например, мой хороший знакомый.

Мои книги издаются в Японии. Он студентов учит по этим книгам.

А американец — это русский человек. Он потомок наших эмигрантов из рода Хлебниковых — Михаил, живет в Нью-Йорке. Ему интересно было пожить нашей жизнью. По лесу ходил, на лошади ездил...

— Тимони-ха — глубинка России. С какими впечатлениями они уезжают отсюда?

— Профессор из Токио был в восторге. Парился в моей бане. Потом писал в письме, что жизнь его как бы разделась на две части: одна до Тимони-хи, вторая после поездки сюда.

Американец тоже был доволен. Но вся беда в том, что все разрушено. В деревне осталось только шесть домов, и живут в них одни пенсионеры.

Иностранцам нравится наш народ, пока еще не до конца испорченный, хотя пьянка губит людей. Горько, когда не только мужчины, но и женщины пьют.

— Вам удалось немало поехать по свету. В каких странах вы были?

— Три раза был в Италии, четыре во Франции. Ездил в Швецию, Японию, Германию, Венгрию, Польшу, Югославию, Болгарию. Приглашают в Египет. Пока не знаю, поеду ли.

— Помните, вы были в составе делегации М. Горбачева, когда он ездил в Финляндию. Вам удавалось тогда быть вместе с Михаилом Сергеевичем, беседовать с ним?

— В Финляндию я попал потому, что мода такая была — Горбачев приглашал в свои поездки за границу писателей. Конечно, я беседовал с ним. Несколько раз был в его кремлевском кабинете, разговаривал на различные темы...

— Какая страна вам больше понравилась?

— Каждая страна своеобраз-

на. Если говорить о своих эстетических впечатлениях, то Италия. Я написал об этой поездке очерк, он опубликован. За своеобразие нравятся Финляндия и Япония. Финны очень трудолюбивы, сохранили национальные традиции, берегут природу. А японцы нравятся аккуратностью, чистотой. Они очень любят детей, как и финны, берегут природу.

— Слышал, что у вас намечается поездка в США?

— Эта поездка будет зависеть от тех людей, которые меня приглашают. Я не смогу на свои средства съездить туда: билет до Нью-Йорка сейчас стоит 120 тысяч рублей, если не больше. Откуда у меня такие деньги? Пока не знаю, собрали ли они мне деньги на билет. Это будет известно позже. В поездке заинтересованы наши эмигранты, которые любят Россию, нашу литературу, культуру, стараются сохранить наше наследие.

— В нынешней сложной ситуации мы, журналисты, тоже не всегда ориентируемся. Порой не хватает опыта, нужной информации. Какую бы вы позицию заняли, работая в газете?

— Когда я работал в районной газете, пытался быть честным человеком. Сейчас в газете делал бы то же самое, о чем пишу и говорю. Я советую не ссылаться на недостаток опыта. Совесть должна подсказывать, что делать, как писать. Вся беда в том, что большинство журналистов-продажные. Кто больше дает — тому и служат, забывая о совести. Это относится к столичным газетам. Считаю, что в местных сохранились люди честные и порядочные...

— Вы бы изменили что-то в своей жизни, если вдруг возникла возможность начать все сначала?

— Как можно изменить то,

что уже свершилось?

— Вы ни о чем не сожалели!

— В молодости много потратил времени на всякую ерунду. Я убедился: чем больше грешит человек в молодости, тем больше потом он страдает, если он совестливый. Постоянно внушаю нынешней молодежи, что надо с юности жить честно, тогда не будет болеть и мучиться потом. Но молодые не думают об этом.

— Мне кажется, многие не верят, что будет какое-то наказание за то, что жил нечестно.

— Наказание неизбежно, никто не уйдет от него. Если человек, допустим, сильно пил, наказание приходит немедленно. Все мои сверстники, с которыми я учился в школе (в бывшей церкви) — а это больше сорока человек — уже ушли из жизни.

— Василий Иванович, вы родились в октябре. А какого числа? Помните, когда-то был такой разговор: то ли за несколько дней до Покрова, то ли после него.

— Старухи говорили: то ли пять дней до Покрова, то ли пять дней после Покрова. Потом записали, что 23 октября.

— Вы будете отмечать свой юбилей за праздничным столом среди друзей?

— Нет. Я постараюсь уехать куда-нибудь. И отмечать не собираюсь.

— Каковы ваши творческие планы? Чем сейчас занимаетесь?

— Оформляю пенсию... Но на нее при такой бешеной инфляции не проживешь. Может быть, еще и напишу что-нибудь.

— Что бы вы хотели пожелать землякам?

— Хотелось, чтобы люди меньше пили. На непьющем человеке никогда никто не будет ехать. И чтобы больше рождалось детей.

Беседу вел

Анатолий МИХАЙЛОВ,
редактор харьковского районной газеты «Призыв».